

© 2009

Е.В. Ничипорчик

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ
В ИТАЛЬЯНСКИХ И РУССКИХ ПОГОВОРКАХ
(В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА ОЦЕНКИ)

Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нём.

Лихтенберг

Проявление человеческого фактора в конструировании аксиологической картины мира многообразно. Значимым признаком для оценочных дефиниций может быть половая принадлежность субъекта оценки. Гендерный признак субъекта оценки обнаруживает способность к манифестации в семантике, синтактике и прагматике паремиологических единиц. Коммуникативный регистр паремиологических единиц, как ключевое звено, определяющее смысл их употребления в речи, объясняет мотивы смещения акцентов с позитива на негатив. Аксиологический портрет женщины в итальянских и русских поговорках, несмотря на отрицательную маркированность большей части оценочных дефиниций, позволяет убедиться, с одной стороны, в том, что основанием жизненной силы паремий является утверждение в них общечеловеческих ценностей, а с другой стороны, в том, что солидарность представителей мужского пола в оценке женской половины человечества, в силу значительного количества тождественных квалификаций, со всей очевидностью, небеспочвенно основательна.

Ключевые слова: поговорка, продуцент поговорок, субъект оценки, гендерные характеристики, оценочные квалификации.

Обращаясь к пословицам и поговоркам того или иного народа, мы не перестаём удивляться точности выражаемых в них оценок. Наше согласие с мнением продуцентов поговорок и является, собственно, гарантом актуальности паремических суждений. Тем не менее иногда нам кажется, что паремиологическое зеркало, на которое проецируются человеческие представления о мире, даёт некоторую кривизну. Отчасти это объясняется архаизацией некоторых представлений о мире, обуславливающей динамику социальных предпочтений, однако не только в диалектике жизни кроется причина относительности оценочных квалификаций. Главным тезисом для понимания природы оценки, по определению Н.Д. Арутюновой, является то, что «между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек — индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество. Из этого ключевого положения вытекают все частные свойства оценочных значений: субъективная варьированность, связь с множеством иллокутивных сил, зависимость от конкретных обстоятельств <...>

и т. п.»¹. Таким образом, по мнению Н.Д. Арутюновой, врагом истины, а следовательно, и фактором, определяющим релятивность оценок, является «не только прагматика земного бытия, но и прагматика повседневного общения между людьми»². Какие же характеристики субъекта оценки оказываются значимыми для совершаемых им оценочных квалификаций и какими могут быть причины, подвигающие человека к вынесению небеспристрастных оценок?

Мы не будем оспаривать того, что в паремиях отражается многовековой опыт народа, правда жизни, тем не менее иногда нам хочется уточнить, чья именно позиция представляется нам как воспринятая социумом истина. Ведь, несмотря на то что становление пословицы как устойчивой, воспроизводимой единицы в языке является длительным процессом, подразумевающим участие множества лиц, очевидно, что исходное выражение, подхваченное впоследствии другими представителями социума, отточенное и отшлифованное в плане языковой огранки идеи, имеет своего конкретного, хотя и анонимного автора. И если это так, то, вероятно, в содержательных аспектах паремии может проявить себя и гендерный фактор как один из факторов, определяющих специфику восприятия мира представителями социума.

К мысли о том, что продуцентом прототекста паремии (выражения, подвергшегося паремиологизации) может являться представитель определённого пола, нас привели наблюдения над характером оценок, которые получают женщины в паремиологических единицах. Явная асимметрия положительных и отрицательных оценок женщин в пользу негатива, наблюдающаяся в паремиях, заставляет усомниться нас в том, что продуцентами паремий о женщинах могут быть сами женщины. Хотя исследователи и объясняют подобные асимметрии существованием общей закономерности преобладания в языке единиц с негативной оценкой над единицами, обладающими позитивной коннотацией³, маловероятно, однако, чтобы женщина давала негативную оценку себе сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо. Возможно, представления о женщине, отражённые в паремических текстах, — это по большей мере представления мужчин, несущих «бремя» необходимости общения с женщинами.

Для подтверждения данного предположения мы обратились к паремиологическим фондам двух народов: итальянского и русского. «Интернациональный» аксиологический портрет женщины, явившийся итогом поиска паремиологических параллелей в оценке представительниц женского пола, вне всякого сомнения, огорчит нынешних феминисток. Значительная часть дефиниций свидетельствует о желании продуцентов паремии, прежде всего, указать на недостатки женщин, предупредить несведущих о неприятностях, ожидающих их при общении с представительницами женского пола, выразить разочарование, недовольство, досаду, огорчение и даже удивление по поводу того, какой оказывается в реальной жизни женщина.

К числу общих для итальянского и русского менталитета негативных женских качеств, нашедших отражение в паремических текстах, относятся:

1) хитрость, изворотливость, лживость, коварство — *Lagrime di donne, fontana di malizia*⁴ (Женские слёзы — фонтан хитрости); *Astuzia di donne le vince tutte* (Хитрость женщины побеждает всё); *La donna finta porta la corona in mano e il*

rasoio alla cinta (Женщина-притворщица в руке несёт корону, а за поясом бритву); *Chi piglia l'anguilla per la coda e la donna per la parola, pum dire di non tener nulla* (Кто пытается ловить угря за хвост, а женщину на слове, рискует ничего не поймать); *Le donne dicono sempre la verita; ma la dicono solo a meta* (Женщины всё время говорят правду, однако не всю, а только её половину); *Non credere a albero che pende e nemmeno a donna che parla pietosa* (Не верь дереву, которое наклоняется, и женщине, которая говорит жалостливо); *Chi crede nel cuore della donna, zarpa nell'acqua e semina nella sabbia* (Кто доверяет сердцу женщины, мотыжит воду и сеет в песок); *Chi fida in donna, u guercio, zorro e cionco* (Кто доверяет женщине – косой, хромой и безвольный); *У бабы семьдесят две увертки в день; Нет в лесу столько повёрток, сколько у бабы увёрток; Меж бабым да и нет не проденешь иголки; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь; Жена льстит – лихо мыслит; Жена ублажает – лихо замышляет; Женская лесть без зубов, а с костыми сгложет; Бабыя вранья и на свинье не объедешь; Кто бабе поверит, трех дней не проживет.* Учитывая то, что негативные оценочные значения отражают разные типы отношений к оцениваемому объекту – от гневного обличения, негодования до лёгкой иронии, шуточного, незлобного ёрничания, можно предположить, что интенсификация негативных значений, которая так или иначе проявляется в содержательных аспектах поговорки, сопряжена с уменьшением вероятности создания данной поговорки теми, на кого направлен вектор негативного отношения. На этом основании продуцентом русского шуточного выражения *Жена мужа любила, в тюрьме место купила* может мыслиться как мужчина, так и женщина, осуждающая поведение чьей-либо коварной жены. А поговорки, в которых негативная оценка звучит «крещендо» и объектом оценки выступает весь женский род, созданы, скорее, теми, кто к этому роду не принадлежит. К текстам с маскулинным авторством можно с уверенностью отнести, в частности, поговорки, в которых женщина, в силу присущего ей коварства, квалифицируется посредством апелляции к дьяволу: *Donna gabba di diavolo* (Женщина – издёвка дьявола); *La donna u nata prima del diavolo* (Женщина родилась прежде дьявола); *La donna u parente del diavolo* (Женщина – родственница дьявола); *La donna porta il diavolo in corpo* (Женщина – дьявол во плоти); *Tre figlie e una madre, quattro diavoli per un padre* (Три дочери и одна мать – четыре дьявола для отца); *La donna ha messo il diavolo nella bottiglia e si u dimenticata di tapparla* (Женщина засунула дьявола в бутылку и забыла её закупорить). Кстати, русские мужчины в подобных квалификациях более сдержанны: нами зафиксированы только две поговорки, в которых женщина отождествляется с нечистой силой, причём одна из этих поговороческих единиц является прибауткой, имеющей шуточный характер: *Баба да бес – один у них вес; – Иван, жена умерла! – Одной сатаной меньше.* Тем не менее русские мужчины оказались солидарны с итальянцами в оценке степени коварства женщин: и те и другие считают, что женщина превосходит нечистую силу, а это означает, что при создании поговорок с соответствующим содержанием и русские и итальянцы использовали, по существу, одну и ту же когнитивную модель. Ср: *Donna per piccola che sia, la vince il diavolo in furberia* (Женщина, какой бы маленькой она ни была, превзойдёт и дьявола в хитрости); *Le donne ne sanno una più del diavolo* (Женщины превосходят в умении самого чёрта); *La donna gabba il demonio e la gallina gabba la donna* (Женщина обманет

самого беса, а курица – женщину); *Una donna fa per sette diavoli* (Одна женщина способнее семи дьяволов); *Dove il diavolo non può entrare, manda una vecchia* (Куда дьяволу самому не пробраться, пошлёт старуху); *Перед злой женой сатана – младенец непорочный; Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт; Куда чёрт не поспеет, туда бабу пошлёт*. Проявлением коварства, двуличности считают мужчины и склонность женщины к притворству, плаксивость: *Le donne son sante in chiesa, angeli in strada, diavole in casa, civette alla finestra, e gazze alla porta* (Женщины – святые в церкви, ангелы на дороге, дьяволы в доме, кокетки в окне и сороки-болтушки на пороге); *Ove donne, ivi lagrime* (Где женщины, там слёзы); *Le armi delle donne sono la lingua, le unghie e le lacrime* (Оружие женщины – язык, коготки и слёзы); *Le lacrime delle donne son come quelle del coccodrillo* (Слёзы женщины – крокодиловы слёзы); *La donna u come la gatta: fotte e piange* (Женщина как кошка: тебя проведёт и тебе же жалуется); *Femmina piange da un occhio e dall'altro ride* (Женщина одним глазом плачет, другим смеётся); *В людях ангел, а дома черт; Баба плачет, свой норов тешит; Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже*. Очевидно, что часть паремий о женской плаксивости и притворстве всё же не может быть со всей категоричностью отнесена к текстам, авторами которых могут мыслиться только мужчины. С одной стороны, это паремиологические единицы с именами лиц женского пола, обладающими ласкательно-уничжительной коннотацией (такие номинации характерны преимущественно для женской речи), с другой стороны – паремии с неназванным субъектом оценки и предикатом, не обладающим грамматическим значением, указывающим на половую принадлежность объекта оценки (паремии могут быть употреблены по отношению к любому лицу, чьё поведение характеризуется неискренностью, и в силу отсутствия средств, способствующих конструированию гендерной идентичности, могут иметь как маскулинную, так и феминную адресантность): *Кумушкины слезки на базаре дешевы; Горько плачет, а вприсядку скачет; Глазами плачет, а сердцем смеется*;

2) капризность, болезненность – *Donna capricciosa, cavalo sbrigliato* (Капризная женщина – конь разнузданный); *La donna ha piu capricci che ricci* (У женщины капризов больше, чем кудрей); *Femmina bona malata e morta, femmina trista non ha mai fine* (Женщина, которая больна, умирает; дождаться же конца унынию женщины невозможно); *Le donne hanno quatro malattie all'anno, e tre bei mesi dura ogni malanno* (У женщин четыре болезни в году, и целых три месяца длится каждая болезнь); *Le donne son malate tredici mesi dell'anno* (Женщины больны тринадцать месяцев в году); *La donna ha venticinque malanni più dell'uomo* (У женщины на двадцать пять болезней больше, чем у мужчин); *Donna si lagna, donna si duole, donna s'ammala, quando la vuole* (Женщина жалуется, недугом мается, хворает, когда пожелает). Русские мужчины, в отличие от итальянских, судя по пословичным изречениям, более терпимы по отношению к женским капризам. Кроме того, номинация «каприз» оказывается чуждой создателям русских паремий: для обозначения необоснованных и вздорных женских желаний в русских паремиях используется лексема «прихоть»: *Женских прихотей не перечтешь*. Большим злом, чем женские прихоти, для русского мужика, является женская назойливость, бранчивость, сварливость: *День (днем) плющит, а ночь (ночью) трещит; День ворчит, ночь верещит – плюнь, да сделай!; Нет досадней, как своя*

же дворяшка на тебя лает; Сварливая жена — в доме пожар. В отношении же к женским болезням русские мужчины солидарны с итальянскими: *Псовая болезнь до поля, а женская до постели* (сравни с пословицей, продуцентом которой может быть как мужчина, так и женщина — *Больная жена мужу не мила*). Кстати сказать, потребительское отношение мужчины к женщине проявляется не только в том, что мужчины порой несправедливо обвиняют женщин в симуляции болезней, но и в том, что жизненная стойкость женщин оценивается мужчинами тоже негативно, как нечто связанное с потусторонней, нечистой силой — *Le donne son come i gatti; finché non battano il naso, non muoiono* (Женщины как кошки: пока их по носу не ударят, не умирают); *La gatta ha sette vite, e la donna sette più* (У кошки семь жизней, а у женщины — больше семи); *Donne hanno sette spiriti come i gatti* (У женщин, как у кошек, семь душ); *Женщины, как кошки, жувучи*. Итальянцы полагают, что самым действенным способом для «излечения» женщины от её капризов и хвороб является палка — *Per le donne in convulsione, u un gran recipe il bostone* (Для женщины в конвульсиях есть один рецепт — дубина); *Chi non ha moglie ben la batte, chi non ha figliuoli, ben gli pasce* (У кого жена не бита, тому остаётся только мечтать о детях); *Donne, asini e noci vogliono le mani atroci* (Женщины, ослы и орехи требуют жёстких рук); *Buon cavallo e mal cavallo vuole sprone, buona femmina e mala femmina vuoi bastone* (Хорошему коню и плохому коню нужна шпора, хорошей и плохой женщине нужна палка); *Donna, falce e mola, più la batti e più va bene* (Женщина, серп и точило, чем больше бьёшь, тем лучше); *La donna u come il baccala: più la batti e più buona diventa* (Женщина как вяленая треска: больше бьёшь, вкуснее становится); *La donna u come la nocciola: se non la rompi, non te la puoi mangiare* (Женщина словно орех: не расколешь, не съешь); *Le bastonate del marito son le campane del paradiso* (Побои мужа — звон райских колоколов). Последняя в данном ряду пословица может быть использована не только мужчинами для оправдания мужского рукоприкладства, но и женщинами в качестве утешений для тех, кто терпит рукоприкладство со стороны супруга. Тем не менее есть и такие итальянские пословицы, в которых рукоприкладство порицается: *Pigliar la moglie, suona bene e poi sa male* (Бить женщину — звучит хорошо, однако позже пожалеешь); *Chi batte la moglie, batte tutta la casa* (Кто бьёт жену, бьёт весь дом); *Picchiare le donne u come bastonare un sacco di farina: esce il buono e resta il cattivo* (Бить жену всё равно что стучать по мешку с мукой: выбивается добро, а остаётся худо). Русские мужчины более категоричны, рассуждая о целесообразности рукоприкладства: *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее; Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет; Улита, знать, ты не бита?; Бей жену до детей, бей детей до людей!; Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет — мил не живет; Шубу бей — теплее, жену бей — милее*. Заметим, что рукоприкладство в древнерусском обществе получало социальное одобрение, о чём свидетельствует свод житейских правил, именуемый «Домострой»⁵. Полагаем, что именно поэтому в русском паремиологическом фонде фиксируются поговорки с императивными формами предиката, то есть выражения, в которых звучит прямой призыв обращаться к рукоприкладству. И всё же антигуманная традиция воспитания жён кнутом вызывала двойственное отношение, в чём нас убеждают минорные по своей тональности, проникнутые со-

жалением и горечью пословицы: *Обошел муженек женушку дубинным корешком; Всем бита, и об печь бита, только печью не бита;*

3) болтливость — *Tre donne fanno un mercato, e quattro fanno fiera* (Три женщины — базар, а четыре — ярмарка); *Tre donne e un pollo (un'oca) fanno un mercato* (*Три женщины да петух (гусыня) — вот и базарная улица*); *Piu facile trovar dolce l'assenzio, che in mezzo a poche donne un gran silenzio* (Проще найти сладкую полынь, чем в небольшом кругу женщин большое молчание); *Le donne quando son ragazze han sette mani e una lingua sola; e quando son maritate han sette lingue e una mano sola* (У женщин в девичестве семь рук и один язык, в замужестве — семь языков и одна рука); *Fumo di cappa e donna parlatora, il marito di casa caccian fora* (От жены-болтушки да дыма-чада муж бежит из дома, как из ада); *Le donne tacciano quello che non sanno* (Женщины молчат лишь о том, чего не знают); *Quel che alla donna segreto fida, ne vien col tempo a far publiche grida* (Кто доверяет тайну женщине, позже получает повод для публичного скандала); *Le donne se le tacciano le crepano* (Женщины, если молчат, то лопаются). И в русском паремиологическом фонде присутствует значительное количество выражений, свидетельствующих о негативном отношении мужчин к тому, что женщины болтливы. Для интенсификации оценок так же, как и в итальянских паремиях, используются специальные лексические средства с количественно-градуальным значением и разного рода риторические фигуры: *Три бабы базар, а семь ярмарка; Где баба, там рынок, где две, там базар; Гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка; Бабий язык — чертово помело; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; Бабу не переговоришь; Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить;*

4) праздность, медлительность — *Donna oziosa non puo esser virtuosa* (Праздная женщина не может быть добродетельной); *La donna girellona u acqua in un vaglio* (Женщина-бездельница — вода в решете); *Femmine e galline per girellar troppo si perdanno* (Девушки и куры, слоняясь без дела, пропадают); *Le donne son figliuole dell'indugio* (Женщины — дочери промедления); *Donne e gatti non han fretta, mentre fanno toeletta* (Женщины и кошки не спешат, когда занимаются туалетом); *Fa' prima il tempo a cambiarsi che la moglie a vestirsi* (Скорей погода переменится, чем женушка переоденется). Заметим, что порицание праздных женщин может прозвучать и из женских уст: если женщина не считает себя праздной, то она, естественно, может использовать в своей речи паремии, в которых осуждается женская лень. Тем не менее из шести приведённых выше только первые две пословицы (в их составе при лексеме *donna* есть атрибутивные конкретизаторы, ограничивающие круг потенциальных референтов) могут быть использованы в речи женщинами, для остальных пословиц такое употребление не типично, так как объектом характеристики в них является женщина вообще. Реконструировать гендерную идентичность прототекстов русских паремиологических единиц о женской лени и медлительности достаточно сложно. По-видимому, в этом случае необходимо говорить о солидаризации представителей разных полов в оценке ленивых и медлительных женщин. Сигнализируют об этом 1) упоминание о мужчинах на фоне женских оценочных дефиниций; 2) уничижительно-пренебрежительная коннотация феминных номинантов, формируемая при

участии словообразовательных средств с уменьшительно-ласкательным значением; 3) отсутствие вербальных обозначений носителя оценочных дефиниций: *Муж пашет, а жена пляшет; Покуда у бабы поспеют кныши, у деда не будет души; Жёнушка-душка любит мягкую подушку; Сидит, надувается, три дня в лапти обувается. Ср.: Бабы сборы — гусиный век;*

5) греховность — *Da una tissa a una donna ci corre un par di corna* (От коровы и женщины можно получить только пару рогов); *È più difficile far la guardia a una donna che a un sacco di pulci* (Уследить за одной женщиной сложнее, чем за кучей блох); *Неверная жена — чужой человек в доме; У неё, кроме Нестора, ещё шестеро; Больше баб в семье, больше греха; Баба блудит, а деду грех; Муж того не знает, что жена гуляет; Муж со двора, а жена была такова; Муж по дрова, жена — соломенная вдова; Муж в дверь, жена — в Тверь; Муж за волками, а жена за молодцами.* Несмотря на то, что распространение сплетен о женской неверности не мужское «занятие», не исключаем, однако, что выражение досады по поводу супружеской измены, осуждение «гулящих» женщин, предупреждение несведущих о тайном женском пороке может прозвучать и из уст мужчин, хотя, по-видимому, только в том случае, если мужчины говорят не о собственных женах (маловероятно, чтобы мужчина признавался кому-либо в том, что его жена неверна ему). Примечательно, что для большинства русских поговорок о женской неверности характерно отсутствие языковых манифестаций гендера, указывающих на пол автора прототекстов. Итальянские же поговорки скорее маскулинные, чем метагендерные тексты, подтверждением чего являются нелицеприятные для женщин (заметим, что в данных поговорках речь идёт о женщинах вообще!) аналогии: женщина уподобляется корове и оказывается «проворнее» насекомых-паразитов;

6) глупость — *Le donne hanno lunghi i capelli e corti i cervelli* (У женщин длинные волосы и короткий ум); *Donne spesse volte hanno lunga la veste e corto l'intelletto* (Женщины довольно часто имеют длинное платье, а ум короткий); *Mallanno e donna senza ragione, si trovano in ogni luogo e in ogni stagione* (Беду и неразумную женщину можно найти в любом месте и в любое время). Русские поговорки отражают аналогичные мотивы: *Волос долог, да ум короток; У бабы ума, что волос на яйце; Бабий ум — бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; На дуручке женишься, сам в дураках будешь.* Впрочем, глупость жены в русских поговорках иногда истолковывается как следствие неразумного поведения мужа: *У плохого мужа жена всегда дура; У умного мужа и глупая жена досужа.* Амбивалентность оценок, характерная для поговорок в целом, наблюдается и при определении значимости женского ума. Так, например, в своде русских поговорок можно найти выражения, которые утверждают, что женщина необязательно должна быть умной; красота и доброта женщины зачастую компенсируют недостаток ума и оставляют мужчин довольными выбором супруги: *Жена — дуручка, да талия рюмочка; Добрая кума живёт и без ума.* Кроме того, при выборе супруги мужчин настораживает то, что они могут проигрывать собственным жёнам в уме: *Жену умную взять — не даст слова сказать; Грамотницу взять — будет праздники разбивать.* Сравни с итальянской поговоркой: *Dio ti guardi da furia di vento, da frate fuor di convento, da donna che parla latino, e da nobile poverino* (Храни нас, Бог, от ветра шквального, монаха вне монастыря, от говорящей по-латыни женщины и благородного бедняка);

7) авторитарность, стремление к главенству – *In casa non c'è pace, quando gallina canta e gallo tace* (В доме нет мира, если курица поёт, а петух молчит); *Dove donna domina, tutto si contamina* (Где женщина верховодит, всё оскверняется); *Guai a quella casa in cui la moglie porta i calzoni* (Горе дому грозит, где жена царит); *Худо мужу тому, у которого жена большая в дому; Муж – потачка, так и жена – собачка; Жена верховодит, так муж по соседям бродит.*

Несмотря на наличие большого количества пословиц, в которых осуждается главенство женщины в семье, оценка семейного матриархата в итальянском менталитете является всё же амбивалентной – *Chi è schiavo della moglie sta troppo male e troppo bene* (Кто раб жены, тому либо очень плохо, либо очень хорошо).

И в русском и в итальянском паремнологических фондах есть пословицы, в которых говорится о том, что женщины допекают мужчин своенравием, упрямством, строптивостью, непримиримостью, несговорчивостью: *И meglio abitare con le fiere nelle spelonche, che avere in casa una femmina litigiosa* (Лучше жить с дикими зверями в пещере, чем иметь в доме скандальную женщину); *La moglie ritrosa (bisbetica) è pessima cosa* (Неуступчивая (ворчливая) жена – самое худое дело); *И meglio avere la cura di un sacco di pulci che d'una donna* (Лучше терпеть опеку от множества блох, чем от одной женщины); *Le donne piglian ben le pulci* (Женщины жалят сильнее, чем блохи); *Il fumo, il fuoco e la donna ritrosa, caccian l'uomo di casa* (Чад, огонь и неуступчивая женщина гонят мужчину из дома); *Худое дело, коль жена не велела; На женский норов не угодишь; Бабе хоть кол на голове теши; С бабой не сговоришь; Бабу не переговоришь; Стели бабе вдоль, она меляет поперек; Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь.*

Огорчает русских мужчин и превосходство женщины в быту: *Чего жена не любит, того и мужу не едать; Женина родня ходит в ворота, а мужнина в прикालиток; Муж в голях, жена в бусовых серьгах.*

В ряде итальянских пословиц женщина, и в особенности жена, определяется как зло вообще, без конкретизации тех качеств, которые заставляют мужчину страдать. При этом наиболее регулярными номинациями, используемыми для характеристики женщины, являются *malanno* (худо, несчастье), *guai* (беда, горе), *dolore* (боль), *doglia* и т. п. – *Chi non sa quel che sia malanno e doglie, se non è maritato, prenda moglie* (Кто не знает, что такое страдание и несчастье, если он холост, берёт себе жену); *Chi ha moglie allato, sta sempre travagliato* (У кого жена рядом, всегда истерзан); *Moglie e guai, non mancan mai* (Жена и беда, в них никогда не испытываешь недостатка); *Il piacere non ha famiglia, il dolore ha moglie e figliuoli* (Отсутствие семьи тебе приносит удовольствие, наличие жены и детей – страдание); *La maggior doglia di tutte è avere moglie* (Худшая участь – иметь жену); *Chi dice donna, dice danno* (Кто говорит женщина, говорит проклятье); *La cattiva moglie è una febbre quotidiana* (Плохая женщина – ежедневная лихорадка). Метафорические номинации с предметной отсылкой также подчёркивают то, что жена – это нечто, что душит, давит – *Moglie è giggo del tuo paese* (Жена – ярмо твоего края); *Moglie maglio* (Жена – молот).

Русские паремии, в которых жена ассоциируется с бедами, огорчением, многочисленны, часть из них носит шуточный характер: *Не плачь, девка, что отдают за парня: плакать бы ему, что берёт беду; От нашего ребра нам не ждать добра; Женишься раз, а плачешься век; Одному с женою горе, другому вдове; Же-*

ниться — беда, не жениться — другая, а третья беда — не отдадут за меня; — Что красен? — Жениться хочу. — Что бледен? — Да, женился; — Что весел? — Да, женился. — А что голову повесил? — Да, женился; Женихом весел, а мужем нос повесил.

Та жена, которая приносит наибольшее огорчение, в русском поговорочнике определяется как злая жена вообще. Пословицы о злой жене характеризуются, как правило, гиперболизацией негативной оценки: *Всех злее злых злая жена; Всех злыдней злее жена злая; Червь дерево пилит, а злая жена дом изводит; Злая жена сведёт мужа с ума; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Злая жена поборница греху; Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Лучше жить со змеёю, чем со злою женой; Лучше камень долбить, нежели злою жену учить.*

Женщине, с точки зрения мужчин, свойственно быть не только источником зла, но и объектом притяжения бед; общение с женщиной ассоциируется с потерей разума, спокойствия и свободы — *Dal mare sale, e dalla donna male* (От моря — соль, от женщины — зло); *Le donne s'attaccano sempre al peggio* (Женщины всегда притягивают худо); *Tutti i peccati mortali son femmine* (Все смертельные разочарования — женщины); *Chi donna pratica, giudizio perde* (Кто живёт с женщиной, утрачивает благоразумие); *Uomo ammogliato, uccello ingabbiato* (Женатый мужчина что птица в клетке); *Uomo sposato u uomo imprigionato* (Мужчина женатый — цепями объятый); *Uomo sposato, uomo accalappiato* (Мужчина женился — в силках очутился). По этой причине женитьба расценивается как акт, имеющий негативные последствия — *Chi si marita fa bene, e chi no meglio* (Кто женится, поступает хорошо, а кто нет, лучше); *Chi si marita, si pone in cammino per far penitenza* (Кто женится, делает шаг к раскаянию). Характерно и то, что каждая новая жена, в оценке мужчины, хуже предыдущей — *Chi prenda una moglie, merita una corona di pazienza; chi ne prende due, merita una corona di pazzia* (Кто берёт одну жену, тот венчается с терпением; кто берёт две жены, того ждёт венчик сумасшествия); *La prima u moglie, la seconda compagnia, la terza eresia* (Первая жена — жена, вторая — женщина для того, чтобы скрасить одиночество, третья — ошибка, заблуждение). Сравни с русской поговоркой: *Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта.*

Однако, несмотря на все огорчения, которые женщина причиняет мужчине, мужчина не мыслит себя счастливым без женщины — *Senza moglie a lato l'uomo non u beato* (Без жены под боком мужчина не может быть счастливым); *Горько, что беда, а мило, что жена.* Причина того, что мужчины противоречат себе в оценке женщины, может быть объяснена не только противоборством чувств, которые мужчины испытывают по отношению к женщинам, но и природой самих женщин, их изменчивостью, непостоянством: *Donna, vento e fortuna, mutano come la luna* (Женщина, ветер и фортуна изменчивы, как луна); *Donna e luna, oggi serena e domani bruna* (Женщина, как и луна, сегодня обольстительна, завтра мрачна); *Donna u come l'onda, o ti sostiene o ti affonda* (Женщина как волна: то тебя поддерживает, то бросает вниз); *У бабы семь пятниц на неделе; За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену.* При оценке непостоянства женщины подчёркивается, что даже хорошая жена может временами приносить огорчения — *Il buon marinaio si conosce al cattivo tempo* (И в хорошем браке бывают плохие времена).

Противоречивость оценок, которые дают мужчины женщинам, объясняется также и тем, что любой человек, и женщина в том числе, не является носителем только плохих или только хороших качеств, в человеке непременно сочетается хорошее и плохое, и данное обстоятельство не может быть проигнорировано субъектом оценки — *Non u lin senza resta, nu donna senza pecca* (Нет льна без узлов, нет женщины без недостатков); *La donna u come la castagna: bella di fuori e dentro u la magagna* (Женщина как плод каштана, который красив снаружи и с порчей внутри). Маскулинность амбивалентных оценок женщины особенно явственна в тех паремиях, в которых женщина оказывается включённой в множество объектов реальной действительности, находящихся в зоне сугубо мужских интересов — *Donne e cavalli, nulla di migliore, nulla di peggiore* (Женщины и лошади: нет ничего лучше и ничего хуже)? *Donne e motori gioie e dolori* (Женщины и машины — радости и огорчения).

Даже красота женщины в оценке мужчины не может быть воспринята как однозначно положительное качество. В мужской оценке женской красоты чувствуются собственнические интересы представителей сильного пола: красота вызывает ревность, зависть, излишнее беспокойство — *Chi ha buon cavallo e bella moglie, non ista mai senza doglie* (У кого есть хороший конь и красивая жена, тот не живёт без страданий); *Chi ha bella donna e castello in frontiera, non ha mai pace in lettiera* (У кого красивая жена и замок на границе, нет мира в постели); *Moglie bella, marito cornuto* (Жена красавица — муж рогат); *Chi ha bella moglie la non u tutta sua* (Тот, у кого красивая жена, понимает, что она принадлежит не только ему); *Donna bella, ti fa far la sentinella* (Красавицу любить — часовым при ней быть); *Chi ha bella moglie poco ti da e molto ti toglie* (Красивая жена принесёт тебе больше лишений, чем приобретений); *Moglie bella u fatica doppia* (Красивая жена — напряжение вдвойне); *Bella moglie, dolce veleno* (Красивая жена — сладкий яд).

Русские мужчины солидарны с итальянскими в том, что красивая жена, в отличие от непривлекательной, доставляет больше беспокойства мужу, однако они более сдержанны в выражении сетований, обусловленных ревностью, чаще им, по-видимому, приходится слышать заверения сторонних лиц в том, что непривлекательность жены может быть компенсирована достоинствами иного характера: *Пригожая жена — лишняя сухота; Жена красавица — слепому радость; Красна ягодка, да на вкус горька; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца; Красную жену не в стенку врезать; Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе); С лица воду не пить, можно и с рябою жить; С лица жены не воду пить, умела бы пироги печь; Красотою сыт не будешь; Красота приглядится, а щи не прихлебаются.*

По мнению и итальянцев, и русских, красота, как правило, сопровождается отсутствием каких-либо других достоинств. Весьма распространённым является мнение, что красота женщины редко сочетается с умом, красивая женщина обычно своенравна и ленива. Сравни: *Donna bella u spesso oca* (Красивая жена часто глупа, как гусыня); *Bella donna cattiva testa* (Красивая жена — дурная голова); *Bella in vista, dentro u trista* (С виду красива, а душою зла); *Личиком беленька, да ума маленько; Собой пригожа, да обыком негожа; Собой красава, а душой тухлява; Где бабы гладки, там воды нет в кадке.* Столь же распространённым можно признать мнение о быстрой утрате женщиной красоты, поэтому пословицы, от-

ражающие подобные характеристики, следует квалифицировать как суждения, представляющие универсальные оценочные дефиниции: *Donna bella dura poco* (Красива женщина недолго); *Bellezze duran fino alla porta, le bontà fino alla morte* (Женские прелести длятся до ворот, а доброта до самой смерти); *Kраса до венца, а ум до конца*.

Каждая нация, тем не менее, вырабатывает свои представления о женской красоте. На наш взгляд, многие итальянские поговорки о красоте женщины имеют в связи с этим не только гендерную, но и этнокультурную маркировку — *La bella donna u un bel cipreso* (Красивая женщина — стройный кипарис); *Donne e tortelli, se non son buoni non son belli* (Женщины и тортелли (блюдо типа русских пельменей) если не вкусны, то и не хороши); *Donne e sardine son buone piccoline* (Женщины и сардины хороши маленькие); *Non c'è cosa più carina di una donna piccolina* (Нет ничего дороже маленькой женщины); *La donna lunga la mena il vento e quella corta è piena di virtù* (Высокая женщина ветрена, а маленькая — полна добродетели); *Moglie grassa, marito allegro; moglie magra, marito addolorato* (Жена толстая — муж веселый, жена худая — муж расстроен); *La donna grassa u buona per il sapone* (Женщина-толстушка сладкая на вкус); *A donna bianca bellezza non le manca* (Женщине-блондинке красоты достаточно); *Donna brunetta, di natura netta* (Женщина-брюнетка — чистая натура). Примечательно, что в итальянском паремиологическом фонде отмечается большее количество поговорок о женской красоте, чем в русском своде поговорок. По-видимому, это связано с присущей итальянцам склонностью восхищаться всем тем, что их окружает, способностью видеть в заурядном нечто привлекательное.

Какой же, по мнению итальянских мужчин, должна быть женщина, чтобы мужчина был ею доволен, и вообще какая женщина может быть определена как хорошая? Набор достоинств женщины, отраженных в итальянских поговорках, представлен гораздо меньшим списком, чем перечень недостатков. Итак, женщина должна быть «слепой» и «глухой», умной, способной родить детей, привлекательной, умелой, справедливой, честной — *Le buone donne non hanno ni occhi ni orecchi* (У хороших женщин нет ни глаз, ни ушей), сравни с русской поговоркой *У доброй девицы ни ушей, ни глаз*; *La donna bisogna che piaccia, che taccia e che stia in casa* (Женщина нужна такая, которая нравится, молчалива и предпочитает быть дома); *Savia femmina rifa la casa e la matta la disfa* (Мудрая женщина дом украшает, а глупая разрушает); *La donna saggia supera ogni difficoltà* (Мудрая женщина преодолет все трудности); *Di buona terra to' la vigna, di buona madre to' la figlia* (Хорошая земля даст тебе виноградник, а хорошая мать — детей); *Alle donne che non fanno figli non ci andar ni per piaceri ni per consigli* (Женщины, которые не могут дать детей, не годятся ни в любовницы, ни в советчицы); *Chi nasce bella, nasce maritata* (Девушка, которая родится красивой, рождается замужней); *Camera adorna, donna savia* (Комната украшена — женщина мудра); *Piglia casa con focolare e donna che sappia filare* (Приобретай дом с очагом, а женщину рукодельницу); *La donna a casa non perde mai tempo* (Женщина в доме никогда не теряет времени); *Donna prudente, u una gioia eccellente* (Справедливая жена — высшая радость); *La donna onesta tutto l'anno in casa resta* (Честная женщина весь год дома).

Единодушны с итальянцами в оценке достоинств женщины и русские мужчины. Они считают, что хорошая, то есть добрая, жена, должна быть верной,

умной, удалой, весёлой, умеющей находить компромисс, трудолюбивой, бережливой, здоровой, детородной, красивой: *Нет лучшего друга, как верная супруга; Разумная жена прибавит ума; Умная жена, как нищему сума (все сэкономит); Утро вечера мудренее, а жена мужа удалее; От хорошей жены раньше смеха весело; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; С доброй женой и горе вполгоря, а радость вдвойне; Добрая жена веселье, а худая злое зелье; От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь; У хорошей жены и плохой муж бывает молодцом; Добрую женою и муж честен; Не хвали жену телом, а хвали делом!; Шубу шей теплее, жену выбирай добрее; Добрая жена дом сэкономит, плохая рукою расстроит; Хозяйка в доме – оладышек в меду; Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую; Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу); Всего милее, у кого жена всех белее.*

Нельзя быть уверенным, однако, что все паремии, в которых так или иначе проявляется позитивная оценка женщин и формируется идеальный женский образ, характеризуются гендерлектной природой. Наличие распространителей при наименованиях лиц женского пола, противопоставление хороших жён плохим, эксплицитные формы выражения призыва в мужской адрес свидетельствуют о «затушёванности» гендерных характеристик⁶ паремических текстов с данными признаками. С другой стороны, в паремиях, в которых выражается в целом положительное отношение к женщине, встречаются и такие языковые средства, которые служат конструированию гендерной идентичности. Это лично-притяжательные местоимения при компоненте *жена*, авторское *я* (текст от первого лица о себе как о мужчине), гендерно специфические единицы лексики, свидетельствующие о маскулинном восприятии мира: *Жена ль моя не баба, дети ль мои не ребята?; Жена моя полсела для меня; Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош. Помилуй, господи, тещу да жену: а сам-то я и как-нибудь проживу; Три друга: отец, да мать, да верная жена-подруга; Без жены как без шапки.* Прямо указывать на маскулинное авторство паремических текстов могут также и словарные примечания: *Прости меня, моя мила, что ты меня била (говорит муж жене).*

Несомненно, женщина и жена для итальянского и для русского мужчины несёт не только боль и разочарование, но и счастье, радость, то, без чего жизнь лишена смысла: *La casa e la moglie si godono più d'ogni altra cosa* (Дом и жена радуют больше, чем какая-либо другая вещь); *Casa mia, donna mia, pane e aglio vita mia* (Дом мой, женщина моя, хлеб и чеснок мой – моя жизнь); *Uomo sposato e uomo sistemato* (Мужчина при жене – обустроен вполне); *Donna buona vale una corona* (Хорошая женщина стоит короны); *Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад; Жена – вторая душа; Женина ласка супругу силы даёт; Женишка-душка – что пуховая подушка; Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи!* Жена бесценна для мужчины, она действительно его движущая сила, неслучайно мужчина, утративший жену, изображается в паремиях абсолютно беспомощным – *Uomo senza moglie, e mosca senza capo* (Мужчина без жены – муха без головы); *Dove mancano le donne, piange il povero* (Где не хватает женщин, бедняга плачет); *Муж без жены что гусь без воды; Мужчина без жены что конь без узды; Холостому везде плохо, а женатому только дома; Холостой – полчеловека.*

Удивительно, что все положительные качества, которыми наделяется женщина, приписываются ей в основном как супруге, а не как женщине вообще, и тем более девушке. О хороших девушках мало пословиц, отчасти потому, что девичество кратковременно: *Zitella che aspetta non sbaglia mai* (Девушка, которая ждёт, никогда не ошибается); *Zitella che dura, non perde ventura* (Девушку, которая верна себе, не минует счастье); *Девушка в терему, что яблочко в раю; Чего девушка не знает, то ее и красит; Все девушки хороши, а отколь берутся злые жёны*. Большая часть негативных оценок также ассоциируется с женщиной как женой, при этом в русских пословицах по отношению к женщине используется, как правило, негативно маркированное имя *баба*: *Кто с бабой свяжется — сам баба будет; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит; Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет; Лучше раздражить собаку, нежели бабу; Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает*.

По отношению к жене мужчина выступает, тем не менее, как собственник, этим объясняется тот факт, что ценность женщины измеряется мужчиной нередко в тех же мерках, что и ценность вещей — *Moglie e pipa non si prestano a nessuno* (Жену и трубку не дают в долг никому); *La moglie, il fucile, il cane non si prestano a nessuno* (Жену, ружьё, собаку не доверяют никому). Сравни с русским пословицами: *Жена не лапоть: с ноги не сбросишь; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь); Жена не седло: со спины не сымешь*. Показательным в этом плане является и то, что, хотя, по общему мнению мужчин, хорошая жена — большая редкость (*Chi incontra buona moglie ha gran fortuna* (Кто нашёл себе хорошую жену, тому очень повезло); *Не у всякого жена Марья — кому бог даст; Клад да жена — на счастливого*), о своей жене любой мужчина всё же предпочтёт отозваться скорее положительно, чем отрицательно: *Se v'è in paese una buona moglie, ciascuno crede che sia la sua* (Если в селении есть одна хорошая жена, каждый верит, что это его).

Потребительское отношение к женщине проявляется и в том, что ей вообще отказывают в статусе человека. Примечательно, что даже образы, связываемые с такими представлениями о женщине, в итальянской и русской пословичной картинах мира оказываются идентичными: *La donna ha il giudizio d'una gallina; Курица не птица, а баба не человек; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Кобыла не лошадь, а баба не человек; Я думал идут двое: ан мужик с бабой*. Совпадения подобного рода исследователь Э.Я. Кокаре объясняет единством закономерностей развития поэтического и философского мышления людей, общностью основных направлений в становлении их этических и эстетических взглядов⁷. Это объяснение снимает необходимость рассуждения о причинах столь значительного количества сходств, обнаруженных нами в оценочных дефинициях женщин, данных представителями разных народов.

Считаем, однако, необходимым подчеркнуть в заключение, что одной из важных характеристик субъекта оценки, детерминирующих небеспристрастное отношение к оцениваемому объекту, является гендерная характеристика. Потребности и притязания человека, обусловленные его принадлежностью к определённому социальному полу, задают соответствующий ракурс оценочных квалификаций и в конечном счёте определяют характер оценки.

Паремиологические единицы, как и любые другие коммуникативные едини-

цы, могут обнаруживать в своих формальных, семантических и прагматических аспектах манифестацию гендера.

При определении того, представитель какого пола гипотетически может мыслиться как создатель паремического текста, следует учитывать характер и ракурс оценки, наличие/отсутствие квантора всеобщности для объекта оценки, наличие в составе паремии гендерно специфической лексики, использование при гендерно маркированных компонентах лично-притяжательных местоимений, направление ассоциативных связей, в которых осуществляется характеристика объекта, коммуникативную направленность паремии и др.

Влияние прагматики человеческого общения на конструирование аксиологической картины мира может своеобразно проявить себя в преобладании негатива над позитивом. Явный перекоп в пользу негатива в оценке женщин, характерный для итальянских и русских паремий и свидетельствующий о преимущественно маскулинном авторстве паремических суждений о женщинах, не является показателем того, что мужчины предпочитают без конца сетовать по поводу женских недостатков. Скорее, это ещё одно подтверждение того, что основное назначение паремий заключается в воспитании нравов, в ценностной ориентации тех, кто избрал или избирает для себя тот или иной стереотип поведения, в отражении стремления человека сделать мир совершеннее.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 182.
2. Там же. С. 545
3. М.А. Алексеенко, со ссылкой на Л.И. Ройзензона, объясняет преобладание негативных характеристик во фразеологическом образе женщины проявлением общей тенденции негативной оценочности фразеологических номинатов. См. Алексеенко М.А. Негативен ли образ женщины в языке? // Слово в словаре и дискурсе. М., 2006. С. 28.
4. В качестве источников фактического материала были использованы следующие сборники паремий: *Salvatore L. Proverbi sardi. Firenze. 1996*; *Schwamenthal R., Straniero M. L. Dizionario dei proverbi italiani. Milano, 1999*; *Boggione V., Massorbio L. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. Torino. 2007*; *Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2005*; *Русские пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев. М., 1983*; *Зимин В.И., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М., 1996.*; *Русские пословицы и поговорки / сост. Е.Ю. Нешименко. М., 2002*; *О, женщина! Итальянские и русские пословицы / сост. Татьяна Королёва. М., 2002*; *Константинова И.Г. Итальянские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2004.*
5. Домострой. М., 1991. С. 65-66.
6. О гендере как о параметре, проявляющем себя с неодинаковой интенсивностью, см. *Кирилина А. В. Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // Beitrage des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15.-21. August 2003, 2003, Munchen. S. 113-127. С. 117.*
7. *Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978. С. 164.*

AXIOLOGICAL PORTRAIT OF A WOMAN THROUGH ITALIAN AND RUSSIAN
PAREMIAS
(IN SEARCH OF AN EVALUATION SUBJECT)

E.V. Nichiporchik

Human factor finds manifold expression in building up axiological world image. Gender factor of the evaluation subject can appear relevant for evaluative definitions and is revealed through semantic, syntactic and pragmatic aspects of paremias. Their register factor, as the key one for their usage, accounts for the accent shift from the positive to the negative.

Axiological portrait of a woman through Italian and Russian paremias despite negative evaluation in the majority of definitions allows to see that, on the one hand, paremias are viable due to universal human values they proclaim, and, on the other hand, male unity in estimating female half of the humankind is not groundless, what with a considerable amount of identical qualifications.

Key words: paremia, paremia producer, evaluation subject, gender characteristics, evaluative qualifications.

© 2009

Н.О. Празян

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРЫ ДВИЖЕНИЯ
В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА ОБАМЫ)

В статье рассматриваются особенности функционирования метафоры в речи политических лидеров. Анализ последовательного использования метафоры движения в выступлениях американского президента Барака Обамы наглядно демонстрирует, что метафора не только делает политическую речь более живой и экспрессивной, но и является эффективным средством преобразования политической картины мира, существующей в сознании адресата.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, воздействие, манипулирование, общественное сознание, движение.

Исследование метафоры в политическом дискурсе является на сегодняшний день одним из самых динамично развивающихся направлений современной лингвистики.

Неудивительно, что в последние годы различные аспекты функционирования политической коммуникации привлекают столь пристальное внимание исследователей, причем не только лингвистов, но и политологов, социологов, психологов. Ведь именно язык играет ключевую роль в публичных выступлениях